

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

РИТУАЛЫ ПЛАВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding

rites of passage

Перевод с английского *Е. Корягиной, А. Панасюк*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Faber and Faber Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Голдинг, Уильям.

Г60 Ритуалы плавания : [роман] / Уильям Голдинг ; [перевод с английского Е. Корягиной, А. Панасюк]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-117231-2

Первая книга одного из самых значительных произведений литературы XX века — культовой «морской трилогии» Уильяма Голдинга. «Роман взросления», посвященный столкновению между мечтой и реальностью, между воображаемым и существующим.

Англия, первая половина XIX века. Юный интеллектуал Эдмунд Талбот отправляется в путешествие к берегам далекой Австралии, где ему, как и множеству других молодых аристократов, уже обеспечена стараниями влиятельного друга семьи непыльная и выгодная синекура. Однако юноша не подозревает, что старый и грязный корабль, с трудом сопротивляющийся океанской стихии, станет для него своеобразной «школой жизни». Человеческим обществом в миниатюре, которое Эдмунду предстоит наблюдать и изучать, снова и снова оказываясь свидетелем (а то и невольным участником) то смешных, то удивительных, а то и поистине драматических событий.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© William Golding, 1980
© Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-117231-2

Предисловие

Ученые любезно признают, что, поскольку никто не может описать события прошлого с полной достоверностью, история во многом — продукт нашего воображения. Однако писатель, взявшийся за роман о том, что случилось «давным-давно», обязан уделить этой науке хоть каплю внимания. Перед ним лежит своего рода спектр, на одном конце которого история — назовем ее инфракрасным излучением, а на другом — выдумка или ультрафиолет. Стоит романисту слишком вольно обойтись с широко известными событиями вроде подписания Декларации независимости или битвы при Ватерлоо, и он обманет ожидания читателей. Признаваться в том, что вы сочиняете исторический роман, нужно с долей юмора, подобно тому, как историк признается, что он изучает чужие фантазии. Все дело в степени этой самой фантазии. Писателю, который более ученого привык ко всяческим отступлениям, за просто хватает собственного багажа знаний, поскольку он легко устает от скучных исследований. Хотите рассказать людям о каком-то событии —

вперед, довольствуйтесь тем, что у вас в голове! В конце концов, читатель берет книгу, чтобы развлечься, так что, скорее всего, встанет на вашу сторону. Разумеется, вольничать можно лишь до определенной границы. Когда у Сартра Кин и принц-регент разгуливают вместе, зритель не спорит с автором, так как понимает, что это комедия. Однако любой, кто знаком с европейской историей, с трудом воспринимает описанную Шиллером встречу королевы Елизаветы и Марии Шотландской. Всем известно, что они никогда не виделись, и авторский вымысел не столько углубляет драму, сколько обесценивает историю. Так давайте уважать ее, когда это возможно!

Перед вами книга, первоначально состоявшая из трех отдельных томов, которые я попытался объединить в трилогию. Честно говоря, принимаясь писать первый том, я и не догадывался, что за ним последуют второй и третий. Только после публикации первого я сообразил, что бросил Эдмунда Тальбота, корабль, всех его обитателей и себя самого на полпути, посреди Атлантики. Пришлось им поплавать еще и во втором томе и сойти на твердую землю в последнем.

В сущности, не мое это дело — описывать, как работаю я или любой другой автор. Но в данном случае не могу не отметить, что книга сочинялась на редкость странно, если не сказать больше. Во-первых, сцена с посадкой Тальбота на борт, описанием корабля, команды, переселенцев

и пассажиров походит скорее на мемуары, чем на вымысел: не зря говорят, что наши фантазии становятся воспоминаниями, а воспоминания перетекают в фантазии. Так или иначе, а начало «Ритуалов» снабдило меня материалом на все оставшиеся книги. Вскользь упомянутые люди начали жить собственной жизнью или, как сказал бы любитель классики Тальбот, из состояния *in posse** перешли в состояние *in esse*** . Даже старый корабль, главный герой повествования, вынудил персонажей действовать именно так, а не иначе.

Для публикации трехтомника пришлось внести необходимые изменения, исправления и добавления — не говоря уже об исключениях. «Ритуалы» впервые были опубликованы в 1980 году, а «В непосредственной близости» — в 1987-м. Я не заглядывал в предыдущую книгу, когда писал каждую из последующих, надеясь на память, которая, как выяснилось, несколько меня подвела. К примеру, когда все три тома оказались под одной обложкой, стало заметно, как некоторые персонажи изменили первоначальную задумку — иногда не в лучшую сторону. Я откорректировал несколько исторических ошибок. Поменял местами полубак и шканцы, здоровенные деревянные надстройки — одним росчерком пера. Вот какое легкое, можно сказать, воздушное, дело — писательство. Еще несколько поправок объединены

---

* потенциально возможный (*лат.*).

** настоящий, действительный, существующий (*лат.*).

тайным знанием, о котором поведал мне некий корреспондент. Остальные — результат деятельности профессиональных критиков — читателей, нужно признать, не всегда желанных.

Иногда я шел своим путем. Да, мне прекрасно известно, что Тальбот относится к тому сословию, представители которого почти наверняка обиделись бы, если бы кто-то, пусть даже близкий друг, назвал их по имени. Для них в этом обращении чересчур много личного. Кроме того, они не любят слишком просторечных оборотов. Однако глупо было бы на протяжении многих страниц придерживаться высокопарных фраз, от которых скоро заскучал бы любой читатель. Я предпочел сформировать некий усредненный язык, в котором время от времени проскакивают архаизмы, как напоминание о том, что дело происходит «давным-давно». Существует некий вид критиков, которые уверены, что всякое слово появляется в речи лишь тогда, когда оно внесено в словари. Писатель же, вольно странствующий в цветном, изменчивом, переливающимся мире слов, утверждает — во всяком случае, обязан утверждать, — что любое из них активно используется как минимум одним поколением, прежде чем лексикограф поймает его и пришьет на страницу. Разумеется, из этого правила существует множество исключений, и словари нужно уважать, не попадая, однако, к ним в рабство — верный путь к скучному, выхолощенному тексту. К примеру, мне мягко

попеняли за слово «швабра», которое официально появилось в 1844 году, в то время как мои герои используют его, скажем, в 1813-м. Однако я, в свою очередь, буду очень удивлен, узнай я, что Нельсон, погибший в 1805-м, не знал, что такое швабра, и не видел, как матросы драят ими палубу. И тут мы вплотную подходим к разговору о столь полюбившемся Тальботу морском жаргоне. Сперва я узнал о нем из книг, а позже, во время Второй мировой, и сам поступил на службу в военно-морские силы Великобритании, где жаргон стал одним из немногих доступных мне удовольствий, и я наслаждался им до такой степени, что к концу войны меня не всегда понимали даже бывалые мореходы. Кто-то, по-моему, Киплинг, сказал, что моряки для всего найдут нужное словечко, и я с ним согласен даже в тех случаях, когда эти словечки выдумываю я сам.

Так что книга насыщена морским жаргоном и классовостью или, если взять слово, более понятное моим героям, сословностью — предметом очень сложным, если учесть, что мы, британцы, пропитаны ею с рождения и потому почти не замечаем. Тем не менее английские читатели легко вылавливают из текста социальные нюансы, так как в книге они прописаны очень выпукло. Американцы же приходят в некоторое недоумение, кроме разве что жителей Новой Англии, где такая же система царилась вплоть до шестидесятых годов и исчезла как раз тогда, когда я к ней привык.

Пару слов про оптимизм, который, по словам некоторых читателей, растет от тома к тому. Что касается Великобритании, Эдмунду Тальботу и его окружению есть чем гордиться. Коалиция стран под предводительством Британии победила Наполеона и теперь они — по крайней мере британцы — правят миром и будут править им еще не меньше столетия. Кроме того, все три тома, строго говоря, творение рук Эдмунда Тальбота — умного, хоть и чересчур самоуверенного молодого человека. Меня часто обвиняют в пессимизме, так вот — я с этим не согласен. Возможно, именно мой оптимизм водил рукой Эдмунда день за днем, так что я или он, а может быть, и мы не склонны считать жизнь безнадежной и бессмысленной затеей, даже перед лицом бескрайней шири океана и тех трагических обстоятельств, которые сгубили Роберта Джеймса Колли. Я глубоко убежден — считайте это интуицией или просто моим собственным мнением, — что смешное и грустное, как в книгах, так и вокруг них, — часть изначального Света. Не столько вселенского, сколько всемирного (разницу между вселенским и всемирным определяю я сам, в словарях она не закреплена). Во всяком случае, именно так я думал, когда писал. Я не люблю долгих рассуждений и готов к тому, что меня упрекут в богохульстве, но все-таки считаю, что есть языки выше, чем язык усталого разума, интуиция тоньше, чем та, которую можно разглядеть в микроскоп или телескоп, пусть даже и космический.

Для них нужны метафоры, сложные — вроде этой. Так позволим Эдмунду Фицгенри Тальботу наслаждаться тем счастьем, которого он способен достичь, а мистеру и миссис Преттимен пасть и преуспеть в их невероятной затее, изведав страсть, на которую Эдмунд никогда не будет способен.

Мой многострадальный корабль отправляется в последнее плавание. А я, пожалуй, извинюсь перед ним за пару неточностей, несколько погрешностей, один серьезный промах, касающийся его устройства, и ворох мелких ошибок, то тут, то там. В конце концов, это я его выдумал и пустил по волнам выдуманного же моря. А он взял да и обрел некую реальность, плотность, позволившую ему распустить паруса, жизненную искру, о которой всегда знают, хотя и не всегда говорят моряки. Думаю, о ней догадывается и мечущийся между классикой и романтизмом Эдмунд. Как моряки забывают о войне, так и он забудет смрад и тухлую воду безымянного судна и будет помнить лишь невероятную, поражающую словно бы в самый зрачок белизну залитых лунным светом парусов. Кстати, я ведь придумал судну название. Нашел его в списке кораблей того времени и собирался при случае упомянуть, даже намекал на это, но потом позабыл и намеки и само имя, так что все, кто хотел его узнать, вынуждены довольствоваться только лишь моими извинениями. Со своей стороны скажу, что был бы рад, прославься мой корабль под славным именем «Доброе чтиво».

(1)

Досточтимый крестный!

Этими словами начинаю я дневник, который вознамерился вести для вас — и нет на свете слов более достойных!

Итак, приступим. Место: наконец-то на борту судна. Год: вам он известен. Дата... Единственное, что следует обозначить, так это то, что сегодня первый день моего путешествия на ту сторону света, в знак чего я и поставил в заглавии цифру «один». Ведь именно события этого, первого, дня я и собираюсь описать. Месяцы и дни недели мало что значат для нас, путешественников из Старой Англии к антиподам, учитывая, что по пути мы переживем все четыре сезона.

Нынче утром, перед отъездом, я заглянул к младшим братьям — наказанью божьему для старушки Добби! Братец Лайонел тут же заплясал боевой, как ему казалось, танец аборигенов, а братец Перси хлопнулся на пол и принялся, подвывая,

потирать живот, якобы заболевший после того, как он съел меня. Приведя их в чувство парой увесистых шлепков, я спустился вниз, туда, где ожидали меня отец с матерью. Если вы думаете, что матушка проронила слезинку-другую, то ошибаетесь — из глаз ее хлынул целый поток, да и у меня не слишком-то мужественно сжалось сердце. Что до отца... Приходится признать, что мы отдали дань скорее чувствительности Голдсмита и Ричардсона, чем живости Филдинга или Смоллетта! Ваша светлость мигом убедились бы в моей ценности, услышь вы причитания, раздававшиеся вокруг, точно я был закованным в железо каторжником, а не молодым человеком, назначенным в помощники губернатору одной из колоний Его Величества. Сказать по правде, меня растрогали их слезы, равно как и мой ответный порыв. Все-таки в глубине души ваш крестник — человек неплохой. И в себя он пришел, только когда повозка проехала по аллее мимо сторожки и повернула сразу за мельницей.

Итак, я на судне. Вскарabкался на борт грязной, раздутой посудыны, бывшей некогда одним из самых грозных боевых кораблей Британской империи. Через отверстие, напоминающее низкий дверной проем, ступил во мрак одной из палуб и чуть не подавился первым же вдохом. Господи, что за смрад! Кругом, в душной полутьме, творилась какая-то суматоха и суета. Человек, отрекомендовавшийся моим слугой, проводил ме-

ня в клетушку, прилепившуюся изнутри к борту корабля и называемую моей каютой. Слуга немолод, прихрамывает, по обеим сторонам хитрого лица торчат пучки седоватых волос, а на макушке сияет лысина.

— Любезнейший! — обратился я к нему. — Что за жуткий запах?

Слуга по имени Виллер повел острым носом и прищурился, будто пытаюсь не только унюхать, но и разглядеть царящую кругом вонь.

— Запах, сэр? Какой запах?

— Запах, — повторил я, прикрывая рукой нос и рот, чтобы не стошнило. — Зловоние, смрад — да как ни назови!

В ответ Виллер улыбнулся, да так солнечно, словно палуба над нами распахнулась и откуда-то ударил луч света.

— Да привыкнете, сэр! Видит Бог, привыкнете!

— Не хочу я ни к чему привыкать! Где у вас капитан?

Виллер помрачнел и распахнул передо мною дверь каюты.

— Капитан Андерсон, сэр, вам ничем не поможет. Тут, видите ли, песок да гравий. На новых судах балласт железный, а наша-то совсем старушка. Была б помоложе, ее, может, и почистили бы. А так нет. Боятся лишний раз ковырять, сэр.

— Ну тогда ей самое место на кладбище!

Виллер на минуту призадумался.

— Вот этого, сэръ, не знаю, раньше на ней не плавал. А вы вот лучше посидите немного, а я вам бренди принесу.

С этими словами он исчез, прежде чем я решился сделать еще глоток межпалубной вони, чтобы ему ответить. Ну что тут поделать!

Разрешите описать вам мое нынешнее жилище, пока я не добился чего-нибудь более подобающего. Вдоль переборки идет койка с углублением, под ней два встроенных ящика. На одной из стен откидная полка, служащая письменным столом, в углу — парусиновая лохань и ведро. Надеюсь, для отправления естественных нужд на корабле имеется более удобное место! Нашелся в каюте угол и для зеркала, и для двух книжных полок в ногах кровати. Единственный незакрепленный предмет здешней обстановки — парусиновый стул. В двери, на уровне глаз, зарешеченное окошко, через которое проникает слабый дневной свет, а стена напротив увешана крючками. Пол, или, как положено тут его называть, палуба, изрезан бороздами, так что немудрено и лодыжку подвернуть. Подозреваю, что борозды оставлены пушками в те времена, когда наше судно было быстрее, моложе и могло похвастаться полным вооружением! Стены каюты новые, а вот потолок и стена — или как ее там, переборка? — самого корабля дряхлые, истертые, выщербленные. Вообразите только — поселить меня в эдаком курятнике, в хлеву! Что ж, придется по-

страдать до тех пор, пока не удастся найти капитана. Тем более что я уже притерпелся к царящей кругом вони, а добрый стакан бренди, принесенный Виллером, и вовсе примирил меня с моей участью.

Однако же здешний деревянный мирок — довольно шумное местечко! Юго-западный ветер, что держит нас у пристани, свистит и гудит над свернутыми парусами этого... — нет, нашего, потому что я решил стать настоящим морским волком! — нашего корабля. Капли дождя выбивают на бортах звонкую дробь. Мало того — от носа до кормы на каждой палубе блеют овцы, мычат коровы, перекрикиваются мужчины и — да-да-да! — щебечут женщины! Шумно даже в моем курятнике. Он — лишь один из доброго десятка таких же, расположенных по обоим бортам корабля и разделенных узким коридором, который прерывается огромным цилиндром бизань-мачты. В конце коридора, как поведал мне Виллер, находится салон для пассажиров и места общего пользования — по одному с каждой стороны. В салоне разгуливают и собираются группками какие-то смутные фигуры. Судя по всему, это и есть они, то есть мы: пассажиры. А вот почему один из дряхлых линейных кораблей перестроили в плавучий склад, ферму и пристанище для пассажиров, нужно спросить у лордов Адмиралтейства, которым, очевидно, не хватает шести с половиной сотен судов.

Только что Виллер объявил мне, что обед будет подан через час, иными словами, в четыре. В ответ на мои слова о том, что я намерен потребовать для себя более пристойное жилище, он сперва осекся, а потом заметил, что это не так-то просто, и лучше бы мне подождать да посмотреться. Когда же я выразил негодование по поводу того, что столь жалкое суденышко отправили в столь серьезное плавание, он ответил мне как настоящий моряк: что, мол, Господи, сэр, а что ж ему делать-то, как не ходить туда-сюда, пока не потонет, для того и строили, сэр! И добавил лекцию по поводу того, как хорошо плавать с одним только боцманом да плотником на борту и как легко орудовать старым добрым якорным тросом вместо железной цепи, которая гремит, что твои кости на виселице, чем склонил мое сердце в пользу духовитого балласта. Кроме того, Виллер не доверяет медным днищам. В общем, я решил, что мы стойки, как корабли древности, не удивлюсь, если нашим первым капитаном был сам Ной. Виллер еще больше успокоил меня, уверяя, что во время шторма наша посудина «будет держаться крепче, чем те, что на вид посерьезней». Крепче! «Потому что, — продолжал он, — если попадем в качку, она по волнам запрыгает, не хуже, чем старый башмак». Честно говоря, после этих слов настроение мое, поднявшееся было после стакана бренди, упало вновь. Тем более что вскоре меня уведомили, что я должен достать из